

**Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»**

В.А. Кожевников

**О значении
христианского подвигничества
в прошлом и настоящем**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1909. № 12. С. 1534-1564.*

 Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](#) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

О значеніи христіанського подвижничества въ прошломъ и въ настоящемъ *).

Рядомъ съ поученіемъ шли дѣла милосердія, которое русское иночество съ самаго начала включило въ существенныя обязанности ¹⁾ и которое въ древней нашей церковно-учительной письменности стало, подъ именемъ «нищелюбія», даже первою нравственною обязанностью, безъ чего всѣ аскетические подвиги безсильны. Нищелюбіе—главная тема «Пролога», въ видѣ цѣлаго ряда святоотеческихъ переводныхъ и самостоятельныхъ русскихъ поученій, проходящая черезъ весь годовой церковный кругъ, можно сказать, изо дня въ день ²⁾; «Нищелюбіе больше есть молитвы, поста и иныхъ спасительныхъ и богоугодныхъ дѣлъ», выше самого дѣствства, «его же ничто же выше» ³⁾). Милостыня возводится въ настоящій поэтическій апоѳеозъ: «самъ Христосъ Вседержитель ходить во образъ нищаго; дающій бо нищему, Христу въ руцѣ даетъ... Слышаще се, будемъ милостивы и страннопріимцы и нищелюбцы» ⁴⁾). Изъ всѣхъ предписаній аскетического жизне-

*) Окончаніе. См. ноябрь.

¹⁾ Житіе преп. Феодосія (Яковлевъ. Памятники), стр. 41—55, и Патерикъ печерскій: Никола Святоша, князь, раздавшій все имѣніе свое бѣднымъ, и Агапитъ, врачъ безмездный („никако же николи же ни отъ кого что взяхъ“); Григорій „ничто же имѣя, развѣ книгъ, продавъ ихъ раздасть убогимъ“; (Яковлевъ. Памятники. 136, 137, 138); Алицій икопопи-сецъ, отдававшій бѣднымъ заработокъ свой 176 и т. д.; Варлаамъ Хутынскій, все свое раздавшій, сдѣлалъ благотворительность заповѣдью своего монастыря.

²⁾ Пономаревъ. Рѣчь о значеніи Пролога 22—25.

³⁾ Прологъ 27 и 31 марта.

⁴⁾ Прологъ 18 октября: о нѣкоемъ игуменѣ, его же искуси Христосъ во образъ нищаго.

воззрѣнія это, повидимому, наиболѣе охотно выполнялось древнею Русью, замѣнявшей милостынею отсутствіе организованной благотворительности.

Примѣры иноковъ-подвижниковъ являются и въ этомъ отношеніи руководящими для всего общества. Заповѣдь о милосердіи преп. Сергія, «никогда не оставлявшаго благотворенія, никого изъ неимущихъ не отпускавшаго съ пустыми руками», вмѣнившаго своей братіи въ обязанность призрѣніе странниковъ и уходъ за больными, — эта заповѣдь исполнялась не только ближайшими его учениками и преемниками, но и хранилась еще и въ XVII вѣкѣ¹⁾), приводя въ изумленіе чужеземцевъ своими широкими проявленіями²⁾). И такъ было не въ одной Троицкой обители, но и во многихъ другихъ, во всѣхъ лучшихъ. Говоря это, мы не хотимъ закрывать глаза на темныя стороны монашеской жизни древнерусской: корысть и любостяженіе не были рѣдкостью въ ней, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ Новгородѣ и въ особенности во Псковѣ, она слагалась по типу полумонастырского келліотства, съ сохраненіемъ частной собственности въ отшельническихъ обителяхъ и съ обычаемъ вкладничества въ общежительныхъ³⁾), обычая, превращавшаго иноковъ въ общину лайщиковъ, считавшихъ себя имущественно самостоятельными, «ядущихъ и пьющихъ свою силу», не хотѣвшихъ знать общихъ правилъ поведенія, «не желавшихъ ни въ церковь ходить, ни въ кельяхъ своихъ прилежно молиться», и, по словамъ лѣтописца, «одержимыхъ стяжаніемъ и всѣми житейскими печальми»⁴⁾). Но, въ противоположность этимъ «полумонахамъ», какъ ихъ звали, и лжемонахамъ, каковыми они были, съ полнымъ основаніемъ можно утверждать, что не было ни одного подвижника, основателя или выдающагося руководителя монастыря, который, несмотря

¹⁾ Симонъ Азаринъ. Книга о новоявленныхъ чудесахъ. 14. 18.

²⁾ Герберштейнъ. Записки о Московіи. 18. Паломниковъ въ Лаврѣ „не бѣ числа“ говорить современникъ.

³⁾ Объ институтѣ вкладничества, существовавшемъ уже въ домонгольский періодъ (Голубинскій. Ист. рус. Ц. I, 2, 604 сл.), — подробно у Никитскаго: Очерки внутренней исторіи Пскова. Спб. 1873, 233 сл. и Себрѣянскій. Очерки по исторіи псковскаго монашества. М. 1908, 226 сл.; 334 сл. О вкладчикахъ-мірнахъ, весьма многочисленныхъ, не отрѣшившихъ себѣ полученіе содержанія отъ монастыря, см. Никитскій, Очеркъ внутр. исторіи церкви въ Вел. Новгородѣ. Спб. 1879, 88.

⁴⁾ П. С. Р. Лѣт. VI, 284, IV, 237—238.

на всю личную склонность къ «пустынному» и созерцательному житію, не отличался бы дѣятельнымъ милосердіемъ и не заповѣдалъ бы его своей братіи. Нестяжательность для себя и даже для обители—съ одной стороны, готовность къ помощи нуждающимся—съ другой,—вотъ общая имъ, характерная черта. Такимъ «учителемъ безъмѣпія» былъ, напримѣръ, преп. Кирилль Бѣлоозерскій, поставившій своей братіи «во главу добродѣтелей» заповѣдь милосердія и любви, не словомъ только, но и собственнымъ примѣромъ, когда, во время голода, онъ раздавалъ народу безъ остатка все, что было въ монастырскихъ закромахъ, чудеснымъ образомъ однако не перестававшихъ пополняться, по сказанію о жизни святого ¹⁾). Такими же нестяжателями были Стефанъ Махрищскій, Евѳимій Сузdal'скій и «великій наставникъ о страннолюбіи и о трудехъ» Димитрій Прилуцкій ([†] 1392 г.). отказавшійся отъ пожертвованій на монастырь, внушая благотворителямъ, что рабовъ и сиротъ подобаетъ питать прежде, чѣмъ иноковъ ²⁾). Діонисій Глупицкій ([†] 1437 г.) на предложеніе князя Юрія Ивановича просить имѣнія для монастыря отвѣтилъ: «инокомъ достоить молитися: благій нашъ Учитель Господь рече своимъ ученикомъ: «не стяжите ни злата, ни сребра»; братіи же своей, тотъ же праведникъ внушаетъ: «наипаче подвигнемся помогати нищимъ и сиротамъ и вдовицамъ», чтоб, въ голодную годину, и выполнялось въ его обители, до послѣдняго мѣшка муки, не думая о завтрашнемъ днѣ, но зато твердо помня, что ожидаетъ на Страшномъ Судѣ тѣхъ, кто не пакормилъ алчущихъ ³⁾). Григорій Пельшемскій ([†] 1449 г.) включаетъ заповѣдь добрыхъ дѣлъ вообще и милованія нищихъ и братолюбія въ особенности въ свое предсмертное поученіе, а самъ, во времена Шемякиной смуты, кормить множество крестьянъ и даетъ имъ пріютъ въ своей обители ⁴⁾). Корнилій Комельскій ([†] 1537 г.) отказывается отъ щедрыхъ даровъ Василія III: «не восхотѣ бо проситиничесоже», кромѣ «земли мало съ лѣсомъ», чтобы «отъ поту лица своего ѿсть хлѣбъ свой и кормить мимопроходящихъ», что и выполнялось до раздачи послѣдняго имѣвшагося ⁵⁾.

¹⁾ Кадлубовскій. 183—186.

²⁾ Тамъ же, 193, 191.

³⁾ Тамъ же. 195, 199, и Коноплевъ, 50.

⁴⁾ Житіе преп. Григорія Пельшемскаго. Великія Минеи Четыи. 30 сент., 2278.

⁵⁾ Кадлубовскій, 299. Коноплевъ. 88—89, 92.

Достойно замѣчанія, что наилучше организованнаго и наибольшаго развитія благотворительность достигаетъ у иѣкоторыхъ подвижниковъ, отличавшихся мрачнымъ пессимизмомъ настроенія, величайшую требовательностью въ исполненіи аскетическихъ правилъ и доходившую до суровой петеримости ревностью о чистотѣ правовѣрія: таковы Пафнутий Боровскій и Іосифъ Волоколамскій. Тотъ самый «ярый окомъ» Пафнутий, что внушалъ трепетъ и страхъ своими рѣчами о Богѣ грозномъ, карающемъ, почти забывая упоминать о Богѣ милующемъ и прощающемъ, считавшій крупнымъ грѣхомъ всякое общеніе съ міромъ, не дозволявшій себѣ ни слова къ женщинѣ, ни взгляда на нее, «даже издалече», изгонявший прочь инока за какой бы то ни было разговоръ, «кромѣ божественного Писанія», этотъ самый кажущійся мизантропъ во время голода кормилъ въ обители своей болѣе, чѣмъ по тысячи человѣкъ въ день ¹⁾). Сходный по духу съ этимъ учителемъ своимъ, Іосифъ Волоколамскій, сочувствовавшій повелѣнію Василія III «еретикомъ языки рѣзати и огнемъ казнити» и даже благодарившій Бога за такую ревность въ охранѣ правовѣрія, этотъ аскетъ, смѣло и грозно относившійся къ властнымъ и сильнымъ міра, былъ полонъ милосердія къ «меньшей братіи», къ крестьянамъ, и ко всѣмъ нуждающимся: украдутъ у кого-либо изъ нихъ косу, или иное что, пала ли у кого лошадь или «доилица», — и вотъ, «вси, отъ скорби, притекаша къ отцу, исповѣдуя скорбь свою; онъ же имъ даяше цѣну ихъ» ²⁾). Въ голодные годы онъ кормилъ цѣлые толпы безпомощныхъ, а въ особомъ, при монастырѣ устроенномъ пріютѣ — дѣтей, покинутыхъ родителями, за невозможностью прокормить ихъ; онъ «питалъ этихъ чужихъ чадъ и заботился о нихъ такъ, какъ будто они были его собственныя» ³⁾). «Дышавшій гнѣвомъ на нечестіе», онъ всякому больному готовъ былъ на услугу, «питая и напояя, подымая и постеля устрояя, приходя и утѣшая» ⁴⁾.

Такъ исполняли заповѣдь милосердія и щицелюбія тѣ

¹⁾ Кадлубовскій. 213—218.

²⁾ Житія Іосифа Волоколамскаго, изд. Невоструева въ Член. Общ. Люб. Дух. Просвѣщ. 1865, 36—38, 53.

³⁾ Тамъ же, 49 сл.; 134—135.

⁴⁾ Тамъ же, 86.

вожди обновленія монашеской жизни въ XV вѣкѣ¹⁾), которые своимъ выдающимъ вліяніемъ на свѣтскую власть, а черезъ нее и на жизнь государственную, непосредственнымъ участіемъ въ текущихъ дѣлахъ церкви и, наконецъ, реформою самого иноческаго быта, въ смыслѣ болѣе систематической и строгой его организаціи, имѣли, несмотря на свой собственный суровый аскетизмъ, возможность довольно часто, дѣятельно, активно соприкасаться съ общественными нуждами и заботами. Это вмѣшательство «іосифлянъ» въ жизнь міра встрѣтило, какъ извѣстно, отпоръ въ лицѣ другого направлениія тогдашняго иночества, направлениія болѣе склоннаго къ уединенію скитскому, къ созерцательному образу жизни. Рѣшительно отдѣляясь отъ міра и печалей его, эти подвижники полагали, что отшельнику, при совершенномъ выполненіи его аскетическихъ задачъ, является помѣхой какое бы то ни было соприкосновеніе съ міромъ, не исключая и вызываемаго даже наилучшими побужденіями, тѣми, что заставляли и такихъ суровыхъ аскетовъ, какъ Пафнютій и Іосифъ, превращаться въ кормильцевъ голодныхъ и въ отцовъ сиротъ. Чтобы осуществить эти дѣла милосердія въ ихъ широкомъ размѣрѣ, нужно было иметь то, что надо было раздавать, то, чѣмъ надо было питать, одѣвать, лечить. Между тѣмъ, кѣль Павель Обпорскій раньше, такъ теперь Ниль Сорскій и Корнилій Комельскій, стояли за абсолютное, безусловное «ничего—неимѣніе». «Притяжаніе сель и содержаніе многихъ имѣній» Ниль Сорскій считалъ совершенно недозволительнымъ для монастырей. На Соборѣ 1503 года онъ, со старцемъ Паисиемъ, возбудилъ вопросъ объ отобраніи вотчинъ у монастырей²⁾ и «молилъ объ этомъ самодержца, ради креѣнаго жительства и добродѣтели множества»³⁾. Ученикъ Нила, Вассіанъ Патрикѣевъ, самъ княжескаго рода и близкій къ великому князю Василію III, настойчиво поддерживалъ это требование, «бесѣдуя съ бого-

¹⁾ Кромѣ исторій церкви, см. Хрущовъ. Ислѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Сапина. Спб. 1868. Архангельскій: Ниль Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ. I. Спб. 1881, а изъ источниковъ—житія Іосифа, изд. Невоструевымъ, и полемическія сочиненія Вассіана; Правосл. Собесѣдникъ 1863. III.

²⁾ Посланіе неизвѣстнаго о враждѣ на Іосифлянъ („Письмо о нелюбакахъ“) въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. Отцевъ. X, 505. Ср. Павловъ. Историч. очеркъ секуляризациіи церковн. земель въ Россіи.

³⁾ Житіе Іосифа Вол., изд. Невоструева. 39.

любивыми князи, плачая и рыдая церковного нестроения» и убъждая «у церквей и монастырей села отымати»¹⁾). Скитская нищета, поддерживающая жизнь исключительно трудами рукъ своихъ,—вотъ, по убъженію этихъ крайнихъ «нестяжателей», надежнейшая охрана чистоты иноческаго житія. Оттого преи. Ниль не признавалъ вещественную благотворительность за монашескую обязанность: «излишняя не подобаетъ намъ имѣти... Не имѣяй бо излише нужныя потребы, не долженъ есть таковыи даяніе даети, и аще речеть: «не имамъ»,—нѣсть согаль... Пишетъ же св. Исаакъ (Сиринъ): «нестяжаніе высши есть таковыхъ подаяній; милостыня бо иноческая—еже помоши брату словомъ во время нужды и утѣшили ему скорбь разсужденіемъ духовнымъ... Се есть душевная милостыня, и толико есть высши тѣлесныя, елико душа высши тѣла, глаголеть святый Дороѳеи»²⁾). Эта тенденція замѣтно отражается на монастырскихъ уставахъ, вырабатывающихся въ эту и послѣдующую, ближайшую пору: преп. Корнилій въ своемъ уставѣ (гл. 6) воспрещаетъ просить что бы то ни было у кого бы то ни было, во избѣжаніе даже малѣйшаго «вещепристрастія». Такую же строгость встрѣчаемъ въ уставѣ преп. Евфросина Псковскаго³⁾ и въ поученіи Саввы Крыпецкаго. Ученикъ Нила Сорскаго, горячій защитникъ православія на Литвѣ, старецъ Артемій столь же решительно высказывается за «нищее, безмолвное и безвѣщное житіе», въ противоположность «окаянному обычаю стяжанія сель и многихъ служебъ»,—дѣлу, приличествующему не иноческому сану, а «царской, паче же мучительской власти»⁴⁾.

Но это увлеченіе преимуществами скитского житія вполнѣ отрѣшившагося отъ заботъ мірскихъ, только у немногихъ, уже въ область ереси уклонившихся противниковъ всякой собственности и всякаго гражданскаго порядка, приняло характеръ дѣйствительнаго равнодушія къ обязанности дѣя-

¹⁾ Полемич. сочиненія Вассіана Патрикіева. Правосл. Собесѣдникъ. 1863. III, 197, 207.

²⁾ Преданіе преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго ученикомъ своимъ о жительствѣ скитскомъ. Спб. 1889 (изд. 3), 51—52.

³⁾ Онъ изданъ Серебрянскимъ въ Псковскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ 1902 г., часть неофиціальная, № 1—4. О преп. Евфросинѣ—зъ его же Очеркахъ по исторіи псковскаго монашества и у Малинина. Старецъ Филоѳеи.

⁴⁾ Посланіе старца Артемія: Russ. Историч. Библіотека. IV, 1258—1261.

тельного милосердія, такъ, напримѣръ, у Щеодосія Косого, который, преувеличивая вышепложенія тенденціи «заволженскихъ старцевъ» (противниковъ іосифлянъ), дошель до анархическихъ взглядовъ на собственность и на власть, и находилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что «поповское повелѣніе имѣнія приносити и нищимъ подаяти» не распространяется на монаховъ, которые сами — «нищіе исы» и потому свободны отъ долга благотворенія¹). Всѣ же упомянутые нами праведные подвижники, несмотря на всю свою склонность къ созерцательному пустыножительству, не уклонялись отъ дѣлъ милосердія каждый разъ, когда волна житейской нужды и печали докатывалась до порога ихъ скитовъ и келий, сокрытыхъ во мшистыхъ болотахъ и лѣсныхъ заросляхъ угрюмаго сѣвера. Такъ Павелъ Обиорскій († 1429 г. 112 лѣть отъ роду), принявший иночество 22-лѣтнимъ юношесю, проживший 50 лѣть «въ безмолвіи по разнымъ пустынямъ» и еще 40 въ монастырѣ, этотъ законченный представитель самоуглубленаго подвижничества, «тищательно трудившійся (по словамъ его жизнеописанія) надъ молитвеннымъ очищеніемъ ума и надъ со- средоточеніемъ свѣта божественнаго разума въ сердцѣ своемъ», проводившій долгіе часы «въ неподвижномъ созерцаніи славы Божіей» среди окружавшихъ его звѣрей и птицъ въ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ,—былъ въ то же время «правомъ милостивъ и благоприступенъ», и братіи обители своей повелѣлъ «въ рукодѣліи коемуждо труждатися, да не токмо отъ своихъ трудовъ хлѣбъ сиѣдять, но да и о нищихъ любовь показують»²). Такъ и Нилъ Сорскій, несмотря на вышеприведенный взглядъ его на несущественное значеніе вещественной благотворительности, предписываетъ: «аще ли же страненъ кто приидетъ,—упоконити его, елико по силѣ нашей, и по сихъ, аще требуется, даяти ему благословеніе хлѣба»³). Вассіанъ Патрикіевъ, раздѣлявшій принципіальное убѣжденіе о необязательности для инона попечений о материальной помощи нуждающимся, включаетъ тѣмъ не менѣе въ понятіе христіанского совершенства «нищету, милостыню и всякое братолюбіе и состраданіе»⁴); а преп. Евфросинъ въ своемъ уставѣ предписываетъ

¹⁾ Смирновъ. Какъ служили міру подвижники древней Руси? 49.

²⁾ Кадлубовскій. 204—206.

³⁾ „Преданіе ученикомъ“, 52.

⁴⁾ Писланіе Вассіана Патрикіева. „Правосл. Собесѣдникъ“, 1863 III, 108, 207.

«всячески потщиться принять и успокоить пришлеца-странника, кто бы онъ ни былъ, иночъ или мірянинъ; давать ему пріютъ трехдневный, не укоряя его и не принуждая къ труду, и отпускать съ милостынею»; равнымъ образомъ не отказывать въ хлѣбѣ нуждающимся звѣроловамъ, крестьянамъ или рабочимъ, и отнюдь не брать денегъ за что-либо, ибо «иже кто продаетъ хлѣбъ печеный—подъ запрещенiemъ великимъ таковыи; все бо Божие есть: или хлѣбъ, или риза, или злато, или сребро», а потому «еже кто и хощеть купити на деньги, никакоже того учините, но туне давайте»¹⁾). Такъ, даже принципиально несочувствовавшіе благотворительному вмѣшательству ипоковъ въ заботы о печаляхъ и цуждахъ мірскихъ, и тѣ, въ собственной жизни и въ правилахъ для своихъ чадъ духовныхъ, являлись всегда дѣятельными человѣколюбцами.

Необходимо при этомъ отмѣтить общую русскимъ подвижникамъ черту: ихъ заступничество за слабыхъ, за угнетенныхъ и обездоленныхъ въ свѣтскомъ общежитіи. Это такъ называемое «печалование» за «менышую братію», за «младишую чадъ», и даже за осужденныхъ, «опальныхъ», установившееся съ древнѣйшихъ временъ²⁾ и сдѣлавшееся какъ бы особою прерогативою духовенства³⁾, держалось, въ сущности, не на юридическихъ правомочіяхъ, а на религіозно-правственномъ авторитетѣ выдающихся настырей церкви и ипоковъ-подвижниковъ, которымъ ихъ праведность, презрѣніе къ выгодамъ свѣтскимъ и нелицепріятіе давали смѣлость стоять мужественно за слабаго, обиженнаго и за кающагося виновнаго передъ сильнымъ и властнымъ. Таковъ былъ преп. Сергій, по словамъ его жизнеописателей, «заступникъ теплъ, печальнымъ утѣшеніе, скорбящимъ и сѣтующимъ радостоторецъ, ратующимся и гнѣвающимся мироторецъ..., безвременнымъ печальникъ, обидимымъ помощникъ, насильствующимъ и хищникамъ крѣпокъ обличитель, сущимъ въ плѣненіи—отищеніе, въ работехъ сущимъ—свобожденіе, въ темницахъ, въ узахъ держимъ—избавленіе, должностнымъ—искупленіе..., грѣшникомъ каю-

¹⁾ Уставъ преп. Евфросина. „Псковскія Епарх. Вѣдом.“. 1902, № 4, 101—102.

²⁾ Примѣры уже въ Житіи преп. Феодосія Печерскаго и въ Патерикѣ Печерскому; обильныя указанія въ лѣтописяхъ.

³⁾ Яковскій. Печалование духовенства за ощальныхъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс. 1876, 1. Малининъ. Старецъ Филоѳей, 682 слл. Павловъ. Курсъ церковнаго права. 501—502.

щимся—върпый поручитель»¹⁾). Таковъ Димитрій Прилуцкій, избавлявшій «словомъ своимъ отъ насилия и отъ злыхъ судей людей, бѣдою одержимыхъ»; таковы и многіе иные...

Особый видъ заступничества—за подневольныхъ, за рабовъ, холопей, отъ насилия и жестокосердія господъ ихъ: «изъ церкви, съ кафедры храма, изъ монастыря, изъ кельи подвижника», говорить Щаповъ, «въ бесѣдахъ съ рабовладѣльцами, въ посланіяхъ къ князьямъ и боярамъ немолчно раздавался пастырскій голосъ въ защиту несвободныхъ, голосъ, требовавшій или освобожденія ихъ, или, по крайней мѣрѣ, улучшенія ихъ материальнаго и нравственнаго бытія»²⁾). Дмитрій Прилуцкій, возврашая принесенный его обители даръ, говоритъ благодетелю: «отнеси сія въ домъ свой, еже намъ принесль, и я же суть раби и сироты въ твоемъ дому, сихъ питай, и тѣхъ избытки нашей нищетѣ донеси, да будеши совершенъ милостивецъ, и вмѣнить ти Господь въ правду»³⁾). Діонисій Глушицкій за подобное же участіе къ подневольнымъ прозванъ былъ «рабомъ свободителъ»⁴⁾. Выдающуюся дѣятельность въ этомъ направленіи проявлялъ Іосифъ Волоцкій, и притомъ—съ особеннымъ успѣхомъ, благодаря его исключительному влиянию на власть и на знать. Въ бесѣдахъ съ князьями и боярами, въ посланіяхъ къ нимъ, своимъ дѣтямъ духовнымъ, опять часто застуپается за холоповъ; онъ требуетъ отъ сильныхъ и славныхъ міра «восхищенное не по правдѣ отати», «помиловать бѣдныхъ и убогихъ», улучшить быть подневольныхъ, тѣхъ, «что гладомъ таютъ и наготою страждуть, дабы съ гладу и съ наготы не плакали». Эти забытые, «лишенные («пустые») человѣческаго утѣшенія», напоминаетъ онъ, однако же «крещены однимъ крещеніемъ, искуплены одною (и тою же) кровью Христовою, какъ и богатые и знатные, съ которыми они вмѣстѣ представануть на Судищѣ Христовомъ». Жестокихъ или нерадивыхъ къ своимъ крестьянамъ вотченниковъ, невосприимчивыхъ къ нравственной сторонѣ увѣщанія, аскетъ-человѣколюбецъ старается вразумить хотя бы указаніемъ на об юдиную материальную пользу благо душного отношенія господъ къ оброчнымъ людямъ: «будьте

¹⁾ Житіе преп. Сергія, изд. О. Л. Д. П., 149.

²⁾ Щаповъ. Голосъ древне-русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. Казань, 1859, 17.

³⁾ Смирновъ 37.

⁴⁾ Смирновъ 41.

добры къ пахатнымъ крестьянамъ своимъ, не злыми па владомыя»; а крестьянамъ онъ же внушаетъ не лѣниться, не упустить господскихъ выгода, и трудолюбіемъ благодарить за льготы и попеченія. Послушавшіеся совѣтовъ преподобнаго, по словамъ списателя житія его, «благословиша зѣло и обогатиша паче, и мнози тяжаріе (землемѣльцы) стоги свои участиша и умножиша жить себѣ», и даже вся волоцкая сторона такимъ образомъ «къ доброй жизни прелагашеся, тишины и покоя наслаждашеся и вси веселящеся бѣше, поселяне много пособленіе имуще отъ господей сель ихъ поученіемъ его»¹⁾.

Опаснѣе было «печалованіе» за провинившихся или попавшихъ въ немилость государственныхъ людей, либо за цѣлые города; однако и передъ этою задачею не отступали русскіе подвижники. Такъ за предательски Василіемъ III схваченнаго и заточеннаго въ тюрьму послѣдняго изъ удѣльныхъ князей, Василія Шемячича, печаловался передъ великимъ княземъ троицкій игуменъ Порфирий, за что и былъ лишенъ начальствованія надъ лаврою; такъ даже передъ Грознымъ насмѣлился печаловаться за Курбскаго духовникъ его Феодоритъ Соловецкій, поплатившійся, быть можетъ, смертью за такое заступничество; такъ еще, по просьбамъ псковичей, угнетаемыхъ московскими намѣстниками, старецъ Елеазарова монастыря Филоѳей «много показа дерзновенія къ государю и моленія о людехъ, также и боляромъ и намѣстникомъ псковскимъ, и обличи ихъ о многой неправдѣ и насиливаніи, не убоится смерти; великий же князь и вельможи, видяще его дерзость и безпопеченіе о семъ вѣцѣ, не смѣша ничтоже ему зла сотворити»²⁾.

Можно ли, послѣ всѣхъ указанныхъ разнообразныхъ и высокихъ доблестей древне-русскихъ подвижниковъ, удивляться вліянію этихъ яркихъ свѣтильниковъ вѣры и правды па массу народную, несмотря па огромное несходство ея грубыхъ нравовъ съ этою возвышенностью стремленій и благодатною чистотою дѣлъ? Вліяніе было вполнѣ заслужено и совершенно естественно. Живоносными лучами разливался свѣтъ, исходившій изъ этихъ праведниковъ, по лону земли родной. Въ «матери городовъ русскихъ» Киевѣ, въ Ростовѣ Великомъ, въ вольнолюбивомъ Новгородѣ, въ Москвѣ самодержавной, въ

¹⁾ Житіе Іосифа Волок, изд. Невоструева, 98—99.

²⁾ Малининъ. Старецъ Филоѳей. Приложенія, стр. 25.

лѣсныхъ дебряхъ Перми зырянской, до обители Соловецкой, до скитовъ Печенгскихъ, «въ варягахъ и на мурманѣхъ», гдѣ полуночное солнце дробится въ волнахъ студенаго моря,— вездѣ, на многострадальномъ фонѣ древнерусской исторіи, впереди, неизмѣниво, выступаетъ, въ своемъ смиренномъ величиї, все тотъ же образъ, ишока-подвижника, предшественника и спутника началь жизни государственной¹⁾), и отца жизни духовной, насадителя добра, труда и просвѣщенія²⁾), нравственнаго объединителя жизни русской, столь склонной, безъ этой силы, къ распаду и къ саморазрушенію.

Сколько разъ, когда, по словамъ современниковъ, «до облакъ вздымающаяся буря» междуусобій переходила въ кровавыя преступленія, изъ усть подвижниковъ раздавался то жалостный, то грозный призывъ къ враждующимъ «престати отъ такового безумія» и вернуться «къ любви свѣтолюбивой», къ тому «братолюбію единомышленному и единодушному», которому вдохновенію хвалу воснѣль уже отецъ нашей исторіографіи, Несторъ³⁾). И подъ вліяніемъ этихъ призывовъ, подкрѣпленныхъ подвигами праведности самихъ призывающихъ къ «безгнѣвію и смиренію», мгновенно смирялись «озвѣрѣвшія сердца», злобные крики и проклятія смолкали и лились слезы раскаянія. Усобицы князей, столь долгія, столь закоснѣлыхъ, смягчались или прекращались подвижниками, проповѣдниками согласія. Какое вліяніе на рость самодержавія оказала поддержка авторитета великаго князя московскаго выдающимися святителями — фактъ общеизвѣстный⁴⁾). Деятельность митрополита Алексія и преподобнаго Сергія имѣла въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе⁵⁾). Митрополитъ Іона,

¹⁾ О колонизаторскомъ значеніи съверныхъ подвижниковъ, см. Коноплевъ, «Святые Вологодского края» и статью «Древнерусс. пустыни на съверовостокѣ Россіи». „Православ. Собесѣдникъ“ 1860. III.

²⁾ Ср. статью „Содѣйствіе русс. монастырей просвѣщенію“ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ 1858 г. I.

³⁾ Лаврентьевская Лѣтопись. Изд. 1897, стр. 133—136.

⁴⁾ Новѣйшая работа на эту тему—В. Сокольского, Участіе русскаго духовенства и монашества въ развитіи единодержавія и самодержавія въ Московскому государству въ концѣ XV и въ первой половинѣ XVI в.в., Киевъ, 1902. Тотъ же вопросъ примѣнительно къ возникновенію и развитію теоріи самодержавія обстоятельно разработанъ Малининымъ въ его книгѣ о Старцѣ Филоѳеѣ. Ср. Л. Тихомировъ. Монархическая государственность. Москва. 1905, часть II, книга 3.

⁵⁾ Сокольский, 52—56.

игуменъ Кирилло-Бѣлозерскій Трифонъ, Мартиніанъ Ѹерапонитовскій и Михаиль Клонскій сломили смуту неукротимаго Шемяки, обличая его «дьявольское самомнѣтельство и желаніе братоубійственаго самонаачальства ¹⁾). Другіе мирили помѣстныхъ князей въ ихъ распряхъ, напримѣръ, Арсеній Тверской—кашинскаго князя Василія съ тверскимъ Иваномъ Михайловичемъ ²⁾). Многочисленны случаи обращенія кроткихъ праведниковъ къ «возвлюбленнымъ князьямъ русскимъ не прельщающимъ цустошю, славою свѣта сего, еже хужьше паучины, и яко стѣнь мимо идетъ, и не обидѣть меньшихъ сихъ, сродниковъ своихъ, и изъ за единаго малосамочинія не причинять толикой бѣды и накости христіанству» ³⁾). Воистину геройской смѣлости достигала нерѣдко эта проповѣдь мира! Юрію Дмитріевичу, возмутившемуся противъ великаго князя, отшельникъ Пельшемскій Григорій говорить открыто: «не по Божьему строенію хощеши власть пріяти: пріимеши здѣсь укоръ и досаду и неустроеніе, поношесіе, и раны, и безчестіе съ чады своими, а онамо—судъ!» ⁴⁾). Будучи очевидцемъ ужасовъ шемякинской смуты, «видя святый въ толицѣ бѣдѣ суща христіанство, скоро иде ко князю и глагола ему, не обинуюся, не бояхубося яости князя: «нѣси ли чель, княже Димитріе, божественнаго писашія: безъ милости судъ не сотворшимъ милости!.. Дѣла твориши поганская: ты—князь православныя вѣры, а свою Русь воюешь, и... аще не останешися отъ та-коваго кровопролитія, то вскорѣ отиадениіи славы, и княженія своего отщетишися»... Слышавъ глаголы сія, князь возъярился на блаженнаго и повелъ его съ мосту рицути... Преподобный же, лежавъ на земли многъ часъ, еле живъ возставъ,... пойде въ пустыню свою», где вскорѣ преставился, 127 лѣтъ отъ роду ⁵⁾). Уклоняется ли сама верховная власть на чутъ неправды, и вотъ игуменъ троицкій, преп. Мартиніанъ Бѣлозерскій, съ тринацдати лѣтъ «возросшій въ иноческихъ под-

¹⁾ Тамъ же, 58 сл. Обличительное посланіе духовнаго собора и святителя Іоны противъ Шемяки—Акты Историческіе. I, стр. 76 и сл. № 40, грамота 1448 г. митр. Іоны—тамъ же, № 43, стр. 86—87. Ср. №№ 53, 56, 261 и Житіе Михаила Клонскаго въ приложеніи къ Некрасову. Зарожденіе національной литературы въ сѣвер. Руси.

²⁾ Житіе пр. Арсенія. марта 21.

³⁾ Тверская Лѣтопись. 403—404 и 478.

⁴⁾ Великія Минеи Четыни. 30 сентября, 2275—2276.

⁵⁾ Тамъ же.

вигахъ безмощія и нестяженія», смѣло идетъ къ великому князю и «снимаетъ съ него и съ его княженія Божіе благословеніе». Задумывается Темный: зоветъ бояръ своихъ: «судите, бояре, что сдѣталъ со мною болотный чернецъ! Но виновенъ я, други, передъ Богомъ: забылъ слово данное, поступилъ неправедно. Идемъ ко Святой Троицѣ, грѣхъ свой исправивши, молить прощенія». И идетъ онъ покорно, съ повинной, въ обитель, гдѣ преемникъ Сергіева завѣта смиреннаго братолюбія радостно встрѣчается, его со всею братіей ¹⁾). Но вотъ иѣчто большее! Въ 1480 г., когда Иванъ III, оробѣвъ передъ Ахматовой ратью, колебался вступить съ нею въ бой, а народъ, «долгъ общедательный во умѣ пріемлюще, молилъ его великимъ моленіемъ, чтобы стояль крѣпко за православное христіанство противу безбожному бесерменству», «злые же человѣки, сребролюбцы богатые и брюхатые, предатели христіанскіе, возлюбившіе богатства и женъ своихъ, паче православной вѣры», уговаривали великаго князя «удариться въ бѣга», во слѣдъ жены его, «римлянки»,—тогда «противъ дворянъ и бояръ богатыхъ» возвысилъ голосъ своей владыка Ростовскій Вассіанъ, не убоявшійся всенародно обозвать великаго князя «бѣгуномъ»: «вся кровь на тебя падеть христіанская, что выдалъ ихъ, бѣжащъ прочь, а боя съ татарами не поставилъ!.. Аще боиши смерти, — вѣждь, яко не бессмертенъ еси человѣкъ, смертенъ!.. Дай сіи въ руку мою вои! Хотя азъ и старъ, но не пощажу, ниже отвращу лице мое противъ татаръ!» ²⁾ Эти историческія слова «Посланія на Угру» имѣли своимъ слѣдствіемъ конечное освобожденіе Россіи отъ столь долго тяготѣвшаго надъ нею позорного ига.

Таково воздѣйствіе подвижниковъ на власть. Смотрите, каково оно па толпу! Въ 1359 году, «дьяволу дѣйствующу и по совѣту лихихъ людей, бысть мятеjkъ силенъ въ Новѣгородѣ,... и сѣча бысть... и стояша три дня между себѣ... И сѣча владыка Моисей изъ монастыря... и благослови, и рекъ: «дѣти! не доспѣйте себѣ браши, а поганымъ похвали, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты; не сступитесь биться!» И пріяша словъ его, и разидошася» ³⁾). Въ 1397 г. четырех-

¹⁾ Житіе преп. Мартиніана Бѣлоозерскаго въ Житіяхъ святыхъ архіеп. Филарета. 12 января, стр. 135.

²⁾ 2 Софійская Лѣтопись. VI, 223—232. Воскресенская Лѣт. VIII, 205—213. Лѣтописецъ Русскій. III, 142—173. Степенная Книга. Ч. II, 139.

³⁾ Продолженіе 1-ї Новгород. Лѣтописи, 355.

лѣтняя ожесточенная вражда новгородцевъ со псковичами сразу прекращается увѣщаніемъ «отца Великаго Новгорода» владыки Иоанна къ «дѣтямъ своимъ, новгородцамъ»: «оставить нелюбіе къ братьямъ своимъ младшимъ, псковицамъ, и быть съ ними за одинъ братъ въ христіанствѣ». «И бысть», добавляеть лѣтописецъ, «крестіаномъ радость и веселіе; а дьяволъ плакашеся. видя себя побѣждаема» ¹⁾ Въ 1418 г. новая смута въ неисправимомъ гнѣздѣ раздоровъ: «взъярились, аки пьяне»; грабятъ дома богатые, даже монастырь св. Николы; «часть отъ часа злоба множится»; звонъ набатный идетъ по городу; «срыскиваютъ люди съ обѣихъ сторонъ рѣки, аки на рать, въ доспѣхахъ, на мость великой»... И уже идетъ «губленіе», уже покрылись улицы убитыми... Вознегодовало само небо: «бысть громъ великъ, и молнія блискаше»... Слышить объ усобицѣ «промежъ дѣтей своихъ» владыка Симеонъ, и «слезы испусти изъ очію, и, вшедъ въ церковь Святых Софіи, нача молитися со слезами, и облачися въ священныя ризы со своимъ сборомъ, и повелѣ Крестъ Господень и Пречистыя Богородица образъ взяти, и иде на мость. И по немъ вслѣдующе, священници и причетъ церковный и христоименитое людство идоша. и мпози народа, испущающи слезы, глаголюще: «да укроти, Господи, молитвами господина нашего,... усобную рать!» И пришедъ святитель, ста посреди мосту, и, вземъ животворящій крестъ, нача благословляти обѣ странѣ. Овіи же, взирающе на честный крестъ, кланяхуся; иніи, видяще архіепискона изъ очію слезы испускающа,... прослезишася, ...и разъидошася, благодаряще Бога и Пречистую Его Матерь.... давшихъ такового святителя, могущаго управити своя дѣти... и брань укротити» ²⁾.

И да не подумають, что сила вліянія въ подобныхъ случающихъ коренилась только въ высокомъ положеніи пастыря церковнаго! Она была прежде всего въ его праведности, въ томъ духовномъ обаяніи, благодаря которому даже самые смиренные подвижники обрѣтали чудесную, благотворную власть надъ окружающею средою. Въ тяжелые дни Смутнаго времени, когда Великому Устюгу грозило нашествіе ляховъ (повѣствуетъ мѣстная лѣтопись), городъ и округу спасла проповѣдь нѣкоего пришельца, «мниха безмолвствующаго Левкія»,

¹⁾ Тамъ же, 381—382.

²⁾ 1 Новгородская Лѣтопись, 407—408 и 2-я, 42—45, 258—261.

который, на сей разъ, «изостривъ языкъ свой», воодушевилъ граждани на побѣдоносный бой увѣщаніемъ дать обѣть: поставить, во избѣжаніе бѣды, единымъ днемъ и безмезднымъ, общимъ трудомъ, храмъ преп. Варлааму Хутынскому¹).

Изумительна была сила вліянія на душу народную преимущественю аскетовъ, постниковъ, затворниковъ, «юродовъ о Христѣ». Однимъ изъ таковыхъ былъ Галактіонъ Вологодскій. Родомъ — князь, сынъ казненнаго Грознаго Бѣльскаго, «уразумѣвшіи міра сего многомягкое житіе», онъ, ископавъ на окраинѣ города колодезь и прудъ, «всади рыбы и древія насадивъ, затворися въ келейцѣ малѣ», отдавая все время молитвѣ и сапожному труду, выручку изъ коего дѣлилъ на три части: «одну даяше церкви Божіей, вторую — иллічимъ, третію же частію самъ питашеся». Ему мало было голода, власииницы, восприенія сна въ лежачемъ положеніи: онъ прикрѣпилъ себя къ потолку келіи желѣзною цѣнью.. Но въ затворѣ онъ не остался безполезнымъ для міра: къ нему стекались за совѣтами, за наизданіемъ; онъ воздвигаль унылыхъ и падшихъ, вразумляль забывавшихъ горшее ради земного. Молитва его достигла чудесной силы: въ бездождное лѣто, грозившее голodomъ, епископъ съ крестнымъ ходомъ пришелъ просить подвижника принять участіе въ общей молитвѣ. Не колеблясь, нарушилъ праведникъ свое правило, снялъ цѣнь и явился въ храмъ слиться съ народомъ въ единодушномъ благочестивомъ порывѣ. И угодна была Богу молитва: обильный дождь напоилъ истомившіяся нивы... Но вотъ настало лихолѣтье, пора усобицъ, самозванцевъ, ляховъ... Въ такие дни эти «странные» люди, эти юроды изъ затворниковъ превращались въ общественнымъ героевъ, изъ молчальниковъ— въ вѣщихъ пророковъ Божьяго гнѣва и Божьяго же милосердія... Поляки наступали на Вологду; а въ городѣ порядки были не крѣпки, оборона слаба, сторожевые нерадиво: «воеводы иropили Вологду»... Въ эти черные дни Галактіонъ, сознавая, что «время дѣлательное наста», снова снимаетъ съ себя цѣнь, идетъ въ земскую избу и пламенною рѣчью призываетъ народъ и власть къ покаянію всеобщему и къ защитѣ родины, на развалинахъ которой умираетъ и самъ²). Въ эти

¹⁾ Великоустюжская Лѣтопись, 51—55, и Временникъ Устюга Великаго, перепечатанный въ Вологодской Старинѣ, 363—366.

²⁾ Житіе преп. Галактіона: Филаретъ. Житія святыхъ. 24 сент.—Вологодская Старина, 309—310. Коноплевъ, 106—108.

же годы Иринархъ Ростовскій, 13 лѣтъ проведшій подъ бременемъ трехъ тяжелыхъ цѣпей и 142 мѣдныхъ крестовъ, покидаетъ свою келью и идетъ къ Шуйскому упредить его о наступающихъ бѣдахъ. На вопросъ свирѣпаго пана Микульскаго: «кого признаеть онъ царемъ?» старецъ отвѣчаетъ: «я—русскій; живу въ землѣ русской; иного царя, кромѣ русскаго, не знаю!» Сапѣгѣ, дивившемуся «правдѣ батьки, подобнаго которому онъ нигдѣ не видалъ», Иринархъ предрекъ смерть, если ляхъ не прекратить разорять Россію. Пожарскому, въ минуту смущенія, онъ взывалъ: «иди на Москву! увидишъ славу Божію!» а ляхамъ, вторично нагрянувшимъ-было на Ростовъ и ограбившимъ старца обѣ исполненіи предреченія имъ Сапѣгѣ, онъ молвилъ: «если не уйдете въ свою землю, не быть и вамъ живыми!», послѣ чего враги покинули городъ, никого и ничего не тронувши, изъуваженія къ праведнику¹⁾.

Таковы были духовныя силы русскаго подвижничества, таково ихъ влияніе на отдѣльныя личности, на массу народную и на жизнь частную и общественную. Высокіе идеалы религіозные и правственные, воплощавшіеся въ рѣчахъ и дѣлахъ праведниковъ, были, разумѣется, во всей полнотѣ своей недосыгаемы для большинства; по фактамъ великой исторической важности остается то, что большинство русскаго народа неизмѣнило, въ теченіе долгихъ вѣковъ, понимало и принимало эти идеалы, какъ наиболѣшіе, вѣригѣ—какъ единственныя неложные и правовѣрныя съ православной точки зренія. Эти идеалы большинство народное, вмѣстѣ съ передовыми вождями древнерусскаго сознанія, благоговѣйно чтило, считало посильное приближеніе къ нимъ за истину и нравственность, а уклоненіе отъ нихъ—за путь грѣховный, погибельный. Идеалы эти, въ своей сущности и чистотѣ, неосложненной нѣкоторыми позднѣйшими, быть можетъ, чрезмѣрно-суровыми аскетическими чертами, были даны уже въ писаніяхъ и преданіяхъ святоотеческихъ, которыхъ оставались всегда первоначальнымъ родникомъ, питавшимъ душу русскаго подвижничества. И этотъ же источникъ, въ лицѣ наиболѣе склонныхъ къ созерцательному житію по-

¹⁾ Житіе преп. Иринарха. 13 января и Ярославская Епарх. Вѣдомости 1872 г., часть неофиц., 343, 351, 359, 367, 376, 385, 393, 404 и 1884 г., 329 и Толстой. Жизнеописанія угодниковъ Божіихъ, жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней ярославской епархіи. Ярославль, 1896, 32—34.

движниковъ XV и XVI столѣтій, въ лицѣ Евфросина Псковскаго ¹⁾, Нила Сорского и его послѣдователей ²⁾, обновилъ новою, освѣжающею струею русское иночество, частію—путемъ непосредственныхъ впечатлѣній, воспринятыхъ на Аѳонѣ, гдѣ, какъ разъ въ эту пору, снова усилилось мистически-созерцательное направленіе въ подвижничествѣ, частію же—сосредоточеннымъ изученіемъ преимущественно такихъ великихъ наставниковъ христіанской аскетики, какъ Исаакъ Сиринъ, Симеонъ Новый Богословъ и Григорій Синаитъ, оказавшихъ значительное вліяніе на преп. Нила Сорского, Корнилія Комельского и на уставы ихъ ³⁾). Благодаря этому усиленію притоку духа, почерпаемаго въ святоотеческихъ писаніяхъ, силы русского подвижничества не оскудѣвали даже и въ XVII вѣкѣ, когда на родину нашу стало уже замѣтно проникать иное, западное, обмирощающее вліяніе. Оно начало вносить разладъ въ доселѣ нераздѣльно царившій въ древней Руси аскетической образецъ устроенія жизни; но новому вѣянію лишь съ трудомъ и медленно удавалось колебать старое, и, главнымъ образомъ, благодаря непрекращавшемуся жизненному воплощенію прежняго идеала въ лицѣ праведныхъ подвижниковъ. Еще въ половинѣ XVII вѣка западные наблюдатели дивились «безпримѣрной (по выражению Юрія Крижанича) милости, даруемой Господомъ этимъ простодушнымъ монахамъ-пустынникамъ», которые, «съ величайшимъ трудомъ, съ опасностью для славы и жизни, обѣ одномъ только и стараются, чтобы имѣть возможность угодить Богу и, перѣдко смертью утверждая ученіе Христово, призвать души многихъ съ пути заблужденія на путь правый и принести ихъ въ жертву Христу» ⁴⁾.

V.

Не совсѣмъ омертвѣло это благотворное воздействиѣ на совѣсть народную и въ наши дни. И понынѣ еще не изсякли

¹⁾ О вліяніи на развитіе Евфросина его путешествія въ Греціи, см. Серебрянскій. Очерки по исторіи псковск. монашества, 245 слл. и Малининъ. Старецъ Филоѳей, 16 и др. (вопреки Голубинскому, неосновательно отрицающему хожденіе преподобнаго въ Константинополь.).

²⁾ О вліяніи аѳомскихъ впечатлѣній на Нила Сорского. Кадлубовскій, 361 сл., и Архангельскій, 166 слл.

³⁾ Кадлубовскій, 361—366.

⁴⁾ Записка Юрія Крижанича о миссії въ Москву, 1641 г. Изд. Имп. Общ. Ист. и Древ. Росс. Москва, 1901, стр. 30 (со ссылкой и на Герберштейна).

эти источники ничѣмъ пока не замѣненна го воспитанія нравственности и благочестія въ народѣ. Достопочтенные стѣны древнихъ обителей, поросшія перѣдко лѣнью духовною, подблѣпнныя ложью фарисейскою, загрязненныя корыстью превращающихъ домъ молитвы въ столы мѣнялъ небеснаго на земное и торгаши остатками любви къ святыи, — эти славные въ прошломъ очаги «свѣта тихаго», просвѣщавшаго міръ, еще не въ конецъ утратили духъ животворящій! Еще есть «тихія пристани», гдѣ живы завѣты и примѣры Серафима Саровскаго, старцевъ Оптинскихъ, Феофана и иныхъ, чьи имена не заносить въ отрывные листки свои легковѣсная исторія дня, но которая пеизгладимыми чертами запечатлѣны въ тайникахъ сердецъ тѣхъ, что и попынѣ, сквозь зной и стужу, за тысячи верстъ, не смущаясь встрѣчными соблазнами, стремятся сюда зачерпнуть сердцемъ, жаждущимъ правды, хотя бы единую каплю «воды живой»...

И вотъ почему мы не можемъ согласиться съ приговоромъ вождя ученаго протестантизма (Гарнака), будто восточное монашество, не поддавшись соблазну обмирщенія и сохранивши свою самобытность, осталось «одинокимъ» непригоднымъ къ потребностямъ жизни современной¹⁾). Одинокимъ его никакъ нельзя признать, если съ нимъ—еще и доселѣ значительная часть души народной, несмотря на всю ужасающую убыль души за послѣднее время. И что это такъ, что это сочувствие фактъ—тому яркое, неоспоримое доказательство та широкая и дружная волна духовнаго подъема, которая охватывала на нашихъ глазахъ душу народную въ дни прославленія новоизвѣненныхъ угодниковъ Божіихъ. Мигъ не забыть того умили-тельного впечатлѣнія изъ дней далекой, ранней юности, когда, по пути въ Задонскъ, къ открытію мощей святителя Тихона, непрерывная цѣпь смиренныхъ богомольцевъ, тянувшаяся по большими и проселочнымъ дорогамъ, на вопросъ проѣзжаго: «Туда что ли?» дружно и строго, «истово», словно соборнымъ рѣшеніемъ всего великаго міра православнаго, отвѣчала: «вѣстимо, туда, а то куда же, родимый?» Во-истину, «туда», и попынѣ все еще «туда» стремится душа народная, тамъ, гдѣ она еще есть, гдѣ она, по вдумчивому слову народному, еще не стала, въ плѣну у суety и похоти животной, «пâромъ», безслѣдно исчезающимъ. Да! и попынѣ «туда!...» потому что

¹⁾ Harnack. Das Mönchthum, 63.

протекшее полустолѣтіе, столько давшее въ другихъ областяхъ общественныхъ потребностей, почти ничего не дало, да, по своему духу, и дать не могло, на смѣну этого исконнаго порыва «туда»; и душѣ народа-грѣшика, но и народа страдальца, народа-подвижника, для отрезвленія отъ соблазна зла, для преодолѣнія его добромъ, и понынѣ, за неимѣніемъ у него иного, лучшаго идеала, идти «некуда», кромѣ, какъ къ старой, родимой «тихой пристани». Это подтвердилось передъ лицомъ недоумѣвающей, такъ называемой «передовой» Россіи въ свѣтлые дни Чернигова и въ особенности Сарова. Когда, въ тихую ночь подъ 19-е юля, подъ тѣнью вѣковыхъ сосенъ, при блескѣ чистыхъ звѣздъ небесныхъ, въ многотысячной толѣ, притекшей изо всѣхъ сторонъ необъятной, когда-то единой духомъ, а потому и мощной родины, безъ уговора, въ дружномъ, овладѣвшемъ сердцами порывѣ, раздался канонъ пасхальный въ привѣтъ тому, по преимуществу народному угоднику, святому подвижнику, отшельнику, который во отшествіи отъ міра суетнаго, не оставилъ однако міра любовью нраведною и настолько былъ полонъ ею, что каждаго встрѣчалъ привѣтствиемъ любви всепрощающей: «Христосъ Воскресе!» — тогда, въ эту торжественную минуту исповѣданія души народной, стало ясно, что она жива еще, и что любовь и благоговѣніе ея—еще неизмѣнило у сокровища родныхъ ей, свято-отеческихъ преданий.

Что будетъ дальше—мы не знаемъ! столькое со всѣхъ сторонъ дѣластся въ противоположность святымъ завѣтамъ этимъ, столькое, чтобы развѣнчать ихъ, извѣриться въ нихъ и противопоставить имъ иные образцы и цѣли, иногда, по-своему, и благонамѣренные, но несознаннѣе съ прежними идеалами и не возмѣщающіе ихъ, что памъ, маловѣрамъ, легко усомниться въ непоколебимости сочувствія народной души ея исконному подвижническому пониманію святости. Но одно мы можемъ сказать: пока въ духовномъ народномъ строѣ нашемъ не вымреть его коренная черта, такъ проникновению постигнутая Достоевскимъ: сознаніе своей грѣховности, при неспособности успокаиваться на немъ и при вытекающей отсюда жаждѣ очищенія личнымъ подвигомъ для нравственнаго возрожденія,—до тѣхъ поръ мы упovаемъ, не вымреть въ русской народной душѣ и влече къ подвижническому пониманію задачъ жизни вообще.

Совсѣмъ иначе ставится вопросъ о живучести и дѣйствен-

ности того же идеала по отношению къ нашей интеллигентии. Односторонне увлекаясь свѣтскою культурою Запада, до забвения и отречения отъ противоположныхъ ей религіозныхъ основъ родного русскаго жизнепониманія¹⁾, наша интеллигенція, при нынѣ преобладающемъ въ ней настроеніи, разумѣется, лишена способности воспринимать сочувственно духовныя сокровища свято-отеческихъ подвиговъ и писаній. Иначе быть не можетъ, потому уже, что въ нихъ она не только не находитъ подтвержденія своего основного начала, но видить въ нихъ даже какъ разъ обратное ему, а именно: гуманистическому и натуралистическому убѣждѣнію въ нормальности и правомѣрности данной и будто бы естественной человѣчности здѣсь противопоставленъ аскетически-христіанской взглѣдь на грѣховность, а потому и несовершенство человѣческой природы въ ея настоящемъ состояніи, а слѣдовательно, признана и ея малоцѣнность, сравнительно съ сверхъестественными дарами благодати Божіей, преображающей грѣховное въ праведное! Изъ этой принципіальной противоположности вытекаетъ и другой контрастъ, уже практическаго свойства: умаленіе христіанскимъ подвижничествомъ значенія заботъ о виѣшнемъ устроеніи земныхъ отношеній, въ противоположность выдвиганію ихъ на первый планъ свѣтскою культурою. Разладъ сторонъ здѣсь глубокій и жгучій, и напрасно многіе изъ новыхъ защитниковъ аскетического идеала стараются смягчить несомнѣнно существующую противоположность. Добросовѣстные, да и производительные, не обинуясь, признать ея наличность, что однако отнюдь не равносильно обвинительному приговору надъ аскетическимъ началомъ. Все зависитъ здѣсь отъ взгляда на то, чѣмъ должна быть, и можетъ стать жизнь земная. Тѣмъ, кто ставитъ ей *лишь земные и временные цѣли*, только натуралистически-человѣческія, тѣмъ нечего искать въ твореніяхъ и жизненныхъ образцахъ святоотеческихъ опоры и вдохновенія для своихъ плановъ и задачъ въ настоящемъ и будущемъ: они встрѣтять тамъ только отпоръ и противодѣйствіе.

¹⁾ Глубоко искреннее, на личномъ опытѣ выстраданное и мужественно, передъ лицомъ закоснѣлыхъ предубѣждений исповѣдуемое раскрытие духовныхъ недуговъ нашей „интеллигенції“ дано въ сборникѣ „Вѣхи“ (Москва, 1909), который, по содержательности и силѣ мысли, такъ же, какъ и по значенію авторовъ въ процессѣ развитія самой интеллигенціи, смѣло можно назвать выдающимся историческимъ событиемъ въ духовной жизни русскаго общества.

Однако даже и они должны признать огромное историческое значение этихъ ученій и этихъ примѣровъ по отношенію къ прошлому и даже еще и къ настоящему. Тѣ, наоборотъ, кто въ своемъ, рѣшительно аскетическомъ воззрѣніи на міръ и все мірское, какъ на неисправимо поврежденное грѣхомъ, ищутъ въ отрѣшеніи отъ земного облегченіе перехода къ небесному,—тѣ найдутъ, какъ столькіе изъ ихъ предшественниковъ въ прошломъ, въ этихъ образцахъ жизни и въ этихъ писаніяхъ утѣшеніе и подкрѣпленіе силъ для возлагаемаго на себя, немногимъ доступнаго подвига. Однако, при всей наличности суроваго аскетизма въ святоотеческихъ примѣрахъ, такъ мыслящіе едва ли вѣрно истолкуютъ смыслъ подвижничества, если сущность его будуть иолагать въ самодовлѣющемся актѣ отреченія отъ міра, а не въ духовномъ перевоспитаніи человѣческаго существа, то есть во внутреннемъ подвигѣ, имѣющемся конечною цѣлью жизнь вѣчную въ царствіи небесномъ, но, попутно, пересоздающемся въ христіанскомъ духѣ и жизнь временную, въ царствѣ земномъ. Для тѣхъ, наконецъ, кто не извѣрился еще въ осуществимости царства праведнаго, благодатнаго устроенія рода человѣческаго и не отчаялся еще въ пришествіи его и въ свершенніи воли Отца Небеснаго, «яко на небеси, *и на земли*»,—для тѣхъ содержаніе подвижническаго идеала и соотвѣтственные пути къ его достижению останутся въ настоящемъ и будущемъ неисчерпаемымъ источникомъ наученія ума, очищенія чувствъ, воспитанія воли и окрыленія желаній для величавой задачи, а именно: въ чаяніи совершенной жизни будущаго вѣка, *еще и на землю намъ*, «нѣкогда язычникамъ по плоти» и «безбожникамъ въ мірѣ» (Ефес. 2, 11 и 12), стать «во единаго новаго человѣка», стать «согражданами святымъ и своими Богу, имѣя Самого Иисуса Христа краеугольнымъ камнемъ, на которомъ *все зданіе*, слагаясь стройно, возрастаетъ во святой храмъ въ Господѣ, въ жилище Божіе Духомъ» (Ефес. 2, 15, 19—22), «дабы въ устроеніи полноты временъ, *все небесное и земное* соединить подъ главою Христомъ (Ефес. 1, 10). Такое «согражданство святымъ», такая «близость» Богу объединенныхъ во Христѣ многоразличныхъ тружениковъ домостроительства благодати Божіей, предуготовлять *уже и на землю* свое и своихъ братьевъ спасеніе, не столько второстепенными «попеченіями о многомъ», хотя и это не исключено, въ подчиненномъ высшей задачѣ смыслъ, сколько сосредоточеніемъ на «единомъ

на потребу», не столько, следовательно, трудами надъ виѣшними условиями человѣческаго общежитія (хотя строгій отвѣтъ за горькіе плоды и этого неустройства грозить всѣмъ на Страшномъ Судѣ), сколько внутреннимъ воспитаніемъ обращеній къ Богу личности.

Непримѣмость христіанского подвижничества духомъ вѣка коренится во-первыхъ, въ ошибочномъ мнѣніи, будто виѣшня проявленія самоограниченія и самоотрѣшенія составляютъ сущность аскетизма, тогда какъ, по свидѣтельству св. Отцовъ, они— только его средства и методологические пріемы, не для всѣхъ и всегда примѣнимые, сущность же, какъ мы уже сказали,— во внутреннемъ воспитаніи и дисциплинѣ духа. Вторымъ препятствиемъ считается обычно предполагаемая, будто бы абсолютная несогласимость подвижничества съ міромъ и враждебность первого ко второму. Замѣчаемъ ли мы однако, какое крупное недоразумѣніе скрыто въ этомъ утвержденіи? Нечего и говорить, конечно, что къ грѣховному состоянію міра христіанское подвижничество относиться сочувственно или потворственно не можетъ; съ грѣховностью мірскою оно разрываетъ радикально и непримирамо. Но *только съ нею, только съ грѣховнымъ искаженіемъ міра и человѣчества въ ихъ противоравственномъ и противобожескомъ состояніи, а отнюдь не съ тѣмъ состояніемъ, каковое должно бы быть и какое, при христіанскомъ усиїи и благодатной помощи, можетъ быть.* Миру и человѣчеству, пересоздаваемымъ въ ступень къ водворенію Царства Божія, къ исполненію воли Отца Небеснаго «и па земли», христіанское подвижничество—не врагъ, а другъ, сотрудникъ, наставникъ и воспитатель. Подвижничество въ этомъ смыслѣ—не упраздненіе міра, не умерщвленіе жизни, а претвореніе міра, перерожденіе жизни, однако не извѣтъ, а извнутри, не путемъ прежде всего виѣшняго упорядоченія мірскихъ отношеній, а путемъ духовнаго перевоспитанія человѣка, какъ объекта, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и какъ творца этихъ отношеній. Это—пересозданіе житейскаго порядка такое, въ которомъ конечною цѣлью будетъ не виѣшнее и материальное благоустройство, а нравственное усовершенствованіе; это—перевоспитаніе общества изъ царства подзаконной справедливости въ царство благого воленія и праведности; словомъ, это—очищеніе и освященіе, обоженіе человѣка, а черезъ то и жизни, и міра. Лишь поскольку житейскія отношенія противодѣйствуютъ этому идеалу, христіанскому подвижничеству

приходится чуждаться ихъ, но даже и въ этомъ состояніи міра оздоровленію и улучшенію его оно не противно и, какъ ярко свидѣтельствуетъ вся исторія, подвижничество всегда включало и это въ свою задачу, по *своимъ*, вышеуказаннымъ способомъ, подчиненнымъ высшей цѣли—духовной.

Оттого и удаленіе отъ міра для истиннаго подвижника можетъ быть въ этомъ смыслѣ признано вынужденнымъ, вызваннымъ подмѣною царства праведности царствомъ грѣха. Какъ законъ въ мірѣ, такъ и исходъ изъ міра «преступлениія ради приложися». Не говорить ли Златоустъ противникамъ иночества: «хотѣлъ бы я не меныше, а гораздо больше васъ, и часто молилъ о томъ, чтобы миновалась надобность въ монастыряхъ, и такой бы насталъ добрый порядокъ въ городахъ, чтобы никогда, никому не нужно было убѣгать въ пустыню»... Но до тѣхъ поръ, пока «все полно всякаго беззаконія и неправды... мы привлекаемъ въ монастыри, чтобы люди избѣгали грѣха и любили добродѣтель» ¹⁾). Значительно позднѣе, въ центрѣ испомѣрного увлеченія монашествомъ, Симеонъ Новый Богословъ не колеблется видѣть въ немъ порожденіе необходимости, противоядіе иначе непреодолимой духовной лѣни ²⁾). Осмѣлимся ли透过儿 through儿 черезъ столько вѣковъ сказать, что эти рѣчи великихъ учителей церковныхъ пережили свой смыслъ, что имъ болѣе нѣть мѣста и оправданія въ нашей жизни? Всяческое беззаконіе и глубина неправды не обступаютъ ли насъ отовсюду, въ иныхъ, по лучшихъ ли, менѣе ли опасныхъ личинахъ, чѣмъ въ грубой и страстной Византії? а духовная лѣни не объемлетъ ли болѣе, чѣмъ какой-либо иной, нашъ болѣзнетто-торопливый и суетливый вѣкъ, для котораго, по не совсѣмъ ироническому замѣчанію прогрессивнаго американскаго кардинала Эйрлэнда, «матерьяльное стало важнѣйшимъ и высшимъ въ жизни?» ³⁾) и, когда, по признацію одного изъ руководителей такъ называемаго «этическаго движения», Шельдона, «пропорціонально росту борьбы за хлѣбъ и имущество, мы все менѣе задумываемся надъ смысломъ

¹⁾ Златоустъ. Творенія. Изд. Спб. Академіи 1898. Т. I, Слово I къ враждующимъ противъ привлекающихъ къ монашеской жизни и Слово III къ вѣрующему отцу.

²⁾ Oratio 33. Migne, P. Gr. T. CXX, 497.

³⁾ L'Eglise et le si鑒le. Conférences et Discours de Mgr. Ireland. 8 édit. Paris, 1894, 202—3.

жизни и тѣмъ болѣе вымираетъ въ насъ душа»? ¹⁾ Намъ ли, если мы не въ конецъ сроднились съ этимъ пониженіемъ человѣческаго достоинства, говорить о ненужности для современной жизни твердынь огражденія отъ потопа суеты и тлѣна, твердынь, еще кое гдѣ, еще изрѣдка хранящихъ очистительный огонь съ древне-христіанскаго алтаря пламенной любви къ высшей чистотѣ и совершенной праведности? Нашимъ ли пленнымъ у міра сердцамъ бояться увеличенія или хотя бы поддержанія «тихихъ пристаней» праведнаго безстрастія? Пожелаемъ, наоборотъ, чтобы онѣ были еще возможны, конечно, въ своемъ должномъ, въ своемъ истинномъ смыслѣ!

Я не могу входить здѣсь въ обсужденіе тѣхъ способовъ, какими, и въ наши дни, иночество, проникнутое священными преданіями прошлаго и сознаніемъ своихъ обязанностей передъ настоящимъ, могло бы, не въ ущербъ своей первой, своей главной задачѣ внутренняго духовнаго усовершенствованія, проявлять возвращаемыя имъ нравственныя силы и во-внѣ, въ дѣятельности просвѣтительной, воспитательной, благотворительной. Полагать, что эти области труда не совмѣстимы съ иночествомъ по его задачѣ, несуществимы по его положенію, значило бы забыть ту славную лѣтопись любви дѣятельной, которой полна его исторія, наша родная исторія—въ особенности. Вопросъ о предѣлахъ и способахъ этой дѣятельности, несомнѣнно, сложный и спорный въ частностяхъ, и не здѣсь вдаваться въ его подробности; о немъ говорено и писано не мало, между прочимъ, совсѣмъ недавно, и, на нашъ взглядъ, прекрасно, Н. Д. Кузнецовымъ въ его докладѣ Предсоборному Присутствію «объ общественномъ значеніи монастырей». Раздѣляющимъ мнѣніе о такомъ примѣненіи христіанскаго подвижничества, а также представителямъ и противоположнаго взгляда было бы поучительно поближе ознакомиться съ тѣмъ, сколько и съ какими результатами въ настоящее время дѣлается католическимъ монашествомъ въ области серьезнѣйшаго труда научнаго, міссионерскаго, педагогическаго и въ сферахъ широкой и разнообразной благотворительности.

Но отъ этого сложнаго и, повторяю, для многихъ въ своихъ частностяхъ спорнаго вопроса я спѣшу перейти къ послѣднему положенію, позволяю себѣ думать, *безспорному*, хотя сразу оно и можетъ показаться парадоксальнымъ. Я разумѣю

¹⁾ Sheldon. What does it mean to be religious? въ Ethical Addresses. 1 series, № 3. Philadelphia, 1894, p. 52.

необходимость именно въ наши дни, не для исчедшихъ изъ міра, а для пребывающихъ въ немъ, для всѣхъ наасъ, несущихъ свѣтскія обязанности, необходимость внутренняго самоустроенія па основахъ правильно понятаго христіанского подвижничества. Не въ отсутствіи ли нравственного самоустроенія на высокой и незыблемой основѣ кроется несознаваемая нами, но глубочайшая причина всѣхъ нашихъ виѣшнихъ неустройствъ и немощность всѣхъ, даже искреннихъ и благонамѣренныхъ попытокъ ихъ устраненія?.. Я не отрицаю важности, настоятельности, неотложности многихъ задачъ виѣшней, экономической, гражданской и государственной жизни; не говорю о возможности бросить ихъ безъ рѣшенія или хотя бы какой-либо помощи! Но какъ рѣшатьувѣренно и правомочно всѣ очередныя задачи жизни, какъ вносить въ нихъ строй и порядокъ съ надеждой на успѣхъ, если большинство изъ насъ, упорядочивающихъ другихъ, сами такъ внутренне неупорядочены? Какъ править надежно сложную волну общественныхъ страстей, когда мы сами, сплошь и рядомъ, ежечасно—рабы нашихъ личныхъ страстей? Какъ говорить производительно на величавую тему объ общемъ благѣ, о высшемъ благѣ, когда все кругомъ — въ позорномъ плѣну у мелкихъ похотей и пошлыхъ наслажденій прихоти и минуты? Какъ быть достойнымъ, авторитетнымъ семьяниномъ, отцомъ-воспитателемъ, гражданиномъ-законодателемъ тому, кто добросовѣстно и со смиреніемъ, по-христіански, свѣрившись съ тайнами души своей, принужденъ воскликнуть: «иная спасаяй, самъ не можешь спастись!»

И вотъ здѣсь-то, въ сосредоточеніи надъ необходимѣйшею, неотложнѣйшею изъ всѣхъ работъ, изъ всѣхъ дѣлъ, надъ внутреннею работою надъ самимъ собою въ духѣ праведнаго смиреннo-мудрія,—здѣсь-то, шире, примѣнимѣе для большинства, чѣмъ въ уединеніи монастыря, раскрывается искони, а въ наши дни въ особенности, плодотворная среда для примѣненія началь истиннаго христіанского подвижничества. Почему въ наши дни преимущественно? Да потому, что едва ли когда трудность и сложность важныхъ запросовъ жизни такъ нуждалась въ той духовной мощи, которая выковывается въ чудодѣйственную силу въ подвижнической внутренней дисциплинѣ праведности. Укажите мнѣ хотя одну область обязанностей современной жизни, добросовѣстно понятыхъ и принятыхъ, где мы не нуждались бы въ по-истинѣ геройскомъ подвижничествѣ? Или ненужно оно въ современной наукѣ, где столько самоотвер-

женнаго, тяжелаго труда должно сочетаться съ такою скромностью и осторожностью выводовъ, съ такимъ самоотречениемъ отъ торопливаго и невзыскательнаго тщеславія передъ лицомъ безпристрастной истины? Или не нужно очистительное воздействиѣ христіанской нравственой строгости на блуждающе столь часто по нездоровымъ путямъ искусство, проматывающее высокій Божій даръ недостойно?.. А въ области педагогической, требующей предварительного самовоспитанія воспитателей, трудности въ наши дни не возросли ли для добросовѣстныхъ до превращенія этого священнаго дѣла въ настоящій подвигъ, а подчасъ даже и въ духовное мученичество?.. Въ мірѣ отношеній экономическихъ, при чудовищной противоположности современаго богатства къ бѣдности,—или не нужно воздействиѣ аскетизма для однихъ,—чтобы покаяніемъ дѣятельной любви искупить грѣхъ своего счастія, чуть не преступнаго среди окружающей нужды и нищеты?,—а другимъ—не нужно ли подвижническое смиреніе, чтобы, не въ гневѣ и мести, а въ терпѣніи и кротости, выстрадать и превозмочь судьбу обездоленныхъ, угнетенныхъ или обижденныхъ?.. Надо ли, наконецъ, напоминать о необходимости нравственного подвижничества общественному дѣятелю на тѣхъ, особо скользкихъ путяхъ, по которымъ, въ угарной атмосферѣ партійныхъ и личныхъ страстей, вращается безжалостно давящее враговъ и друзей колесо политики?..

Но развѣ нѣть, скажутъ намъ, ученаго или соціального подвижничества въ жизни, но только *своего*, специфического, несвязанного съ христіанскимъ и даже часто ему противоположнаго? Не отрицаемъ — есть! Но и глубоко вѣrimъ, что здѣсь-то и таится источникъ трагического противорѣчія современной жизни: искренности и благородства многихъ ея стремленій съ одной стороны, а съ другой — ея безсилія и всяческихъ наденій, несмотря на наличие «своихъ, особыхъ» родовъ подвижничества. Именно потому, что въ каждой области дѣятельности, въ каждой группѣ дѣятелей, а иногда даже у отдельныхъ лицъ, подвижническое усиление—только свое, особое, съ другими усилиями органически необъединенное и не-примиренное, именно потому, что всѣ наши порывы и напряженія полны разлада, колебаній, противорѣчій, противодѣйствій, они немощны, и, по той же причинѣ, какъ частичные и условные, какъ выведенные не изъ абсолютнаго, предѣльнаго идеала, не изъ высшей, всеобъемлющей цѣли, не изъ

неизмѣнной въ своей сущности нормы жизни, — эти порывы, эти усиления несовершены, а часто и прямо ошибочны. Всѣ, даже и благороднѣйшія стремленія къ свѣтскому подвижничеству нуждаются въ незыблемой и абсолютной внутренней, духовной первоосновѣ, и иной основы, въ ободряющемъ и плодотворномъ смыслѣ, кромѣ христіанской, для подвижничества даже житейского быть не можетъ! Не замѣнить ее основою такъ называемой естественной, гуманистической нравственности, чуждой, по существу, началу аскетическому, взыгающей не къ добродѣтельному самоограниченію, а къ наибольшему удовлетворенію наиболѣшихъ потребностей. Извѣстное ограниченіе этого «разрѣшенія на вся» неизбѣжно, конечно, и въ гуманистической этикѣ, но лишь въ силу практической необходимости, по внѣшнему принужденію, а если добровольно,—то въ противорѣчіе съ основнымъ принципомъ этой нравственности. Не замѣнить христіанского подвижничества и пессимистическому аскетизму восточного буддизма и западной мудрости отчаянія: такое самоотрѣшеніе ведеть къ отрицанію смысла жизни, къ небытію, нирванѣ, къ смерти вѣчной, въ противоположность упованію и подвигу христіанскому достигнуть жизни вѣчной.

Вотъ почему, какъ бы странно ни прозвучало мое слабое слово среди вихря нашихъ многихъ, нашихъ важныхъ и неотложныхъ дѣлъ, я осмѣливаюсь указать на высокую пользу для людей и нашего времени святоотеческихъ твореній, какъ содержащихъ въ себѣ глубокую школу не одного иноческаго подвижничества былыхъ временъ, но и общехристіанскаго, широко примѣнимаго, внутренняго, духовнаго воспитанія человѣка. Православная аскетика въ святоотеческихъ твореніяхъ, выработалась въ точную дисциплину и, можно даже сказать, въ науку духовнаго опыта, представляющую провѣренную до мельчайшихъ подробностей систему тщательнаго упорядоченія человѣческаго организма въ опредѣленномъ, цѣлостномъ и струйномъ направлениі. Тутъ нѣть ничего измышленнаго, придуманнаго, сочиненнаго; тутъ—только пережитое, лично выстраданное, и на опытѣ другихъ, мудрѣйшихъ и праведнѣйшихъ, провѣренное. Такъ радикальна была постановка задачи, такъ неутомимо желаніе рѣшить ее, такъ добросовѣстны, наконецъ, поиски рѣшенія, что во всѣхъ этихъ трехъ смыслахъ святоотеческія творенія сохраняютъ свою неветшающую цѣнность и понынѣ. Сама наука наблюдательной психологіи, пы-

тающаяся познать душу путемъ внѣшнихъ опытовъ, найти здѣсь цѣлую сокровищницу огромнаго, разнообразнѣйшаго опыта внутренняго, плоды того сосредоточеннаго и планомѣрнаго «внутрь-смотрѣнія», въ которомъ никакому лабораторному физіологу и психологу не превзойти глубокихъ серцевѣдцевъ: Макарія Египетскаго, Іоанна Лѣстничника, Исаака Сирина и столькихъ другихъ, ни тонкостью анализа, ни про-ницательностью интуїціи, ни осторожностью фактической пропрѣкти принципіальныхъ обобщеній и частныхъ практическихъ выводовъ. Загадочная природа нашихъ чувствъ, желаній, страсти и воли, въ ихъ такъ называемомъ естественномъ, съ христіанской же точки зрѣнія, грѣховномъ состояніи, разоблачается здѣсь съ изумительной полнотою и точностью, благодаря сравнительному изученію ихъ въ тройномъ процессѣ: во-первыхъ, грѣховнаго состоянія, далѣе,—въ процессѣ постепеннаго правственно-религіознаго перевоспитанія естественнымъ усиліемъ воли и ума, стремящихся къ преодолѣнію грѣховности, и наконецъ,—въ процессѣ радикальнаго перерожденія личности высшою силою божественной благодати.

При томъ невѣдѣніи, въ которомъ находится большая часть нашей интеллигентіи относительно святоотеческой литературы, несмотря на вышеочерченное огромное, міровое значеніе идеала, въ ней воплощенаго, не удивительно, что главнымъ препятствиемъ къ сближенію съ ней служить цѣлый рядъ предубѣждений: относительно ея будто бы полной устарѣлости, ея значенія только для завзятыхъ аскетовъ и, наконецъ, ея однообразія и будто бы шаблонности. Но уму развитому, дѣйствительно интеллигентному, при непосредственномъ и притомъ непредубѣжденномъ ознакомленіи съ этими твореніями, не трудно было бы распознать и отграничить ихъ временные и мѣстные черты, имѣющія интересъ только историческій, отъ вѣчныхъ, психологическихъ, и потому не старѣющихъ. Отпасть должно, при непосредственно вдумчивомъ отношеніи къ этимъ произведеніямъ, и другое предубѣженіе, о ихъ пригодности лишь для немногихъ, исключительныхъ натуръ. Идеаль абсолютнаго, законченного подвижника здѣсь данъ безспорно, и, съ точки зрѣнія писавшихъ и ихъ времени, данъ съ нескрываемымъ превознесеніемъ его. Но онъ не сдѣланъ общеобязательнымъ во всей строгости и полнотѣ требованій, а, главное, не въ томъ, что наиболѣе вводить въ соблазнъ и откальиваетъ людей нашего времени, полагается здѣсь смыслъ и центръ тяжести

подвижничества. Ясное, чѣмъ въ какихъ-либо иныхъ историческихъ проявленіяхъ аскетического духа, именно въ твореніяхъ величайшихъ подвижниковъ раскрывается многозначительная истина, что существенное содержаніе и цѣнность подвижничества заключается не во внѣшнемъ фактѣ отрѣшенія отъ плоти и міра, а во внутренней дисциплинѣ духа, которая, имѣя конечною цѣлью полное единеніе человѣка съ Богомъ, такъ сказать, попутно упорядочиваетъ и очищаетъ отношенія человѣка и къ плоти, и къ міру, согласно съ духомъ Христовымъ, составляющимъ для вѣрующаго «всѧческое во всемъ», дабы, выражаясь словами епископа Феофана, «при всемъ житейскомъ строѣ» и выполненіи возлагаемыхъ имъ житейскихъ обязанностей, «держать свое сердце» такъ, чтобы внутренняя наима сущность не была «подъ вяжущимъ и тяготѣющимъ обаяніемъ дѣлъ виѣпниихъ», и чтобы, «среди самого житейского, развивалась бы другая», высшая «жизнь, исходящая изъ того источника, откуда пьющий не вжаждеть во-вѣки»¹⁾.

Совершенно неосновательно, наконецъ, и мнѣніе объ отсутствіи разнообразія въ содержаніи и о монотонности и шаблонности святоотеческой литературы. Конечно, въ ней нечего искать сюжетовъ чужихъ и не свойственныхъ ея пѣлямъ (хотя уже въ просто культурно-историческомъ смыслѣ она—цѣлое сокровище); но въ предѣлахъ поставленной ею себѣ задачи она изумительна! Поразительное единство въ духѣ и учени, и притомъ о столь таинственной области вѣданія, у этихъ людей, жившихъ на огромномъ разстояніи другъ отъ друга, при полномъ сохраненіи индивидуальности въ способѣ изложения, стилѣ и, до известной степени, въ предметахъ, привлекающихъ ихъ вниманіе,—вотъ характерная черта святоотеческихъ твореній. Они не повторяютъ, а восполняютъ другъ друга. Вотъ передъ нами Антоній Великій, устанавливающій виѣшнія правила подвижничества, тогда только что утверждавшагося. Въ основѣ этихъ виѣшнихъ нормъ какое глубокое сердцевѣданіе! Какое знаніе души, ищущей спасенія, и какая заботливость обо всемъ, что можетъ разслабить или укрѣпить ее! Какія драгоценныя указанія почти на всякий жизненный случай, предупреждающія, охраняющія, возстановляющія вступившаго на путь спасенія! Откиньте окраску IV вѣка, полноту строгости, посильной только героямъ Оивайды и Нитрійской пустыни,—останется достаточно основного, пригоднаго и для

¹⁾ Еп. Феофанъ. Мысли на каждый день. Москва 1904, 385--7.

ХХ вѣка, если въ немъ вѣтъ еще духъ нравственной добросовѣстности! Вотъ преемникъ Антонія, «свѣтильникъ», возженій отъ этого великаго свѣтила», преподобный Макарій Египетскій. Онъ уже не касается частностей, онъ стремится каждымъ словомъ своимъ дать должное направление трудамъ подвижающагося, указывая конечную цѣль, къ которой должно стремиться во всѣхъ трудахъ. Его главная задача—раскрыть сущность христіанства, цѣль и вѣнецъ пути Христова, «освященіе душъ благодатію Духа Святого». Дерзнемъ ли сказать, что эта цѣль, этотъ путь устарѣли?.. или что онъ памъ достаточно извѣстенъ, что нечего поучаться ему у того, кому онъ былъ такъ близокъ, такъ родственно-знакомъ?.. Вотъ преп. Ефремъ Сиринъ, духовнымъ окомъ созерцающій грозную правду Суда Божія, и огненнымъ словомъ призывающій къ непрестанному покаянному очищенію души, безсильной, безъ очищенія, войти въ царство радости Господа своего... Вотъ Іоаннъ Лѣстничникъ, стянувшій огромный психологический опытъ «духовнаго человѣка» въ точнѣйшія формулы анализа внутренней жизни, психологъ по преимуществу, постигшій природу нашихъ чувствъ, страстей, желаній и воли изученіемъ генетическимъ, въ процессѣ ихъ зарожденія, развитія и видоизмѣненія. Вотъ, далѣе, «величайшій (по Кирѣевскому) христіанскій философъ», Исаакъ Сиринъ, создающій своеобразную, на благодатномъ духовномъ опыте основанную, теорію познаванія и, въ связи съ нею, раскрывающій таинственное шествіе и подъемъ души, взыскающей Бога, въ процессѣ вѣры, отъ низшихъ ступеней до высшей, до созерцанія тайнъ Пресвятой Троицы и Искупленія. И наконецъ,—подвижникъ болѣе поздней поры, но продолжатель основоположительныхъ Отцовъ, Симеонъ Новый Богословъ, величавую глубину мистического озарѣнія коего признала даже столь холодная въ этомъ отношеніи протестантская историческая критика. Въ его неподражаемыхъ по вдумчивости и трезвенному воодушевленію «Словахъ» вы всюду чувствуете, что для этой чистой души, вполнѣ отдавшейся Богу, потусторонній міръ—такая же непосредственно, съ величайшею живостью и полнотою познаваемая реальность, какою для насть, плѣнниковъ плоти, является міръ дольній, земной. Объединеніе Божественного съ человѣческимъ, примиреніе сверхмірнаго, трансцендентнаго съ имманентнымъ, эта, для односторонне-раціоналистической философіи неразрѣшившая, величайшая тайна души, безъ такого примиренія «тос-

кующей въ изгнаніи своеі», раскрыта здѣсь какъ осязательный фактъ органическаго, цѣлостнаго переживанія, какъ результатъ реального духовнаго опыта. И глядя на очевидные, осязательные плоды этого опыта въ нравственной и религіозной жизни шедшихъ по этому пути, и сравнивая съ ними результаты иныхъ путей, невольно чувствуется, какъ далеко въ сторону отъ животворнаго направленія уклонилась наша учено-раціоналистическая богословская мысль. Какъ бы ни нужна, какъ бы ни почтена была вся ея добросовѣстная эрудиція и проницательная критика на подобающемъ имъ мѣстѣ, все же, въ разрывѣ съ духомъ живого, непосредственнаго опыта вѣры и праведности,—это сила не столько питающая душу, сколько изсушающая, мертвящая ее. Вотъ почему сближеніе съ святоотеческими твореніями, проникновеніе ихъ глубоко христіанскимъ духомъ мы считаемъ необходимостью и для нашей ученой богословской мысли.

Неучеными, но умудренными вѣрою душами эти высокія произведенія духа христіанскаго давно оцѣнены по достоинству въ прошломъ; такимъ душамъ они родственны, дороги, близки и въ наше время. Немногимъ праведникамъ дана благодать полнаго подъема въ область высшаго «умнаго» свѣта; но сколькимъ благочестивымъ душамъ даже далекія отраженія его служили успокоеніемъ и ободреніемъ къ росту духовному, сколькимъ падшимъ — средствомъ покаянія и возрожденія? Тѣмъ страшнѣе и пеизвинительнѣе почти полное незнаніе этихъ произведеній въ иномъ, хотя и просвѣщеннѣмъ кругу нашего общества. Каково бы ни было отношеніе къ нимъ личныхъ симпатій и антипатій, такія міровыя силы, какъ эти, не могутъ, не должны быть игнорируемы. Нельзя судить объ этихъ твореніяхъ и только по наслышкѣ, по пересказу: ихъ не передать безъ ущерба своимъ словами, почти также, какъ и Священнаго Писания, ибо и они—не придуманы, не сочинены, а созданы «въ духѣ и силѣ»; плодъ тончайшаго психологическаго анализа, величайшаго самоуглубленія и «внутрь-смотрѣнія», они въ особенности требуютъ непосредственнаго, самостоятельнаго ознакомленія и сосредоточеннаго вниманія; вызванныя безпримѣрнымъ въ исторіи человѣчества порывомъ къ высокости помысловъ и къ чистотѣ чувствъ и дѣлъ, они и постигнуты должны образомъ могутъ быть только чистыми сердцемъ, которые одни Бога узрять.

Владиміръ Кожевниковъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Дмитрий Юрьевич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки